

Велико почитание святителя Николая Мирликийского в Христианском мире. Церковное предание бережно хранит память о явлении его чудотворного образа на берегу реки Великой, случившееся по преданию в 1383 году. С начала XV века стал известен и крестный ход к этому образу...

В первые годы Советской власти традиция крестного хода неуклонно сохранялась. В 1935 году после сноса кафедрального собора в Вятке, где хранилась чудотворная икона, крестный ход прекратился в связи с утратой иконы. Но несмотря на запрет паломничество верующих к месту обретения образа продолжалось. В 1959 году было опубликовано официальное запрещение паломничества к реке Великой. Оно не возымело действия. В 1989 году запрет был отменён. Крестный ход начал совершаться от ближайшего села Чудиново (10 километров). С 1993 года крестный ход пошёл по историческому маршруту: от Свято-Успенского собора г. Кирова до села Великорецкого и реки Великой. Туда и обратно — 150 километров. В XXI веке число крестоходцев возрастает из года в год. В 2015 году, например, оно составило 90 000 человек.

* * *

Сколько радости может быть в жизни? Как её измерить? Не деньгами же? Хорошо, когда они есть, когда можно тратить их на добрые дела, помогать людям, но радости деньги не приносят. Радость — это радость, когда свет солнечный льётся в душу. «Радости моей нет предела», — говорил один из подвижников православной веры в тридцатые годы двадцатого века, находясь в товарном вагоне среди заключённых. Не каждому дано понять, как в таких условиях можно чему-то радоваться. А он радовался. Свет был в его душе. И моя радость всегда со мной, её не отнять от моей души, как не отнять счастье. А счастье — это соучастье. Кто его отнимет?

Человек соучастен многому. Работе, семье — уже немало. Но русский человек соучастен и жизни России. Особая страница этой жизни — самый многолюдный

православный форум (так сказали бы своим языком политики) — Великорецкий крестный ход. Этому событию более шестисот лет.

Я рад уже тому, что оказался на вятской земле, среди прекрасных людей. Я рад тому, что крестный ход свёл меня и прекрасной писательской братией, среди которой жизнь ощущается по-особому.

Отчётливо запомнился эпизод, когда шли мы вдвоём с Анатолием Григорьевичем Гребневым, отстав от остальной компании, в наше любимое Горохово.

— Володя, ты, говорят, тоже пишешь стихи? — спросил меня Анатолий.

— Как пишешь ты, мне никогда не написать.

— Лишь бы душа была жива, — ответил Анатолий Григорьевич.

Вот эти его слова и затронули душу, стали девизом и смыслом существования. Душа жива, пока творит. И не умирает вовсе. Поэтов смерть не касается. Стихи ушедшего из этой временной жизни поэта продолжают волновать души людей.

Великая радость — само общение с теми, кто вместе с тобой совершает крестный ход. Об этом говорю не только я. Владимир Николаевич Крупин написал прекрасную повесть «Неделя в раю», в которой рассказал о нашей компании. Каждая неделя нашего общения была по-настоящему райской жизнью на вятской земле.

Вспоминаю, как сидели мы, два Владимира Николаевича, в избушке в Горохово и разговаривали:

— Вот она, полнота счастья, — сказал я, уставший физически после работы, но полный радости от общения с близкими по духу людьми. — Ничего, кажется, больше в жизни не надо — только сидеть в святом месте, любоваться, как потрескивают в печи поленья и разговаривать о том, что близко.

— Да, Володечка, это здорово, за три дня я ни от кого дурного слова не слышал. Три дня настоящего мужского братства, а потом святое дело, после которого вливаемся в Великорецкий крестный ход. Только вот остатки жизни здесь мы провести не сможем, это будет непозволительной роскошью.

Нельзя оставить семью, своих близких.

Однако именно в духовном пути мы получали необходимый заряд жизненных сил для дальнейшего. И этого заряда хватало на год — до следующего крестного хода.

И вот, прочитав «Неделю в раю», я не удержался и взялся за свои старые записи о том, ради чего я хожу на Великую.

* * *

Я — не вятский родом. Нижегородский. Но, когда приезжаю на родину, собеседники поговору моему сразу узнают: «Ты, наверно, из Вятки». Однако выражение «Свой среди чужих, чужой среди своих» для меня не подходит. С 1980 года я прижился в Вятке, сроднился с этой землёй, с её добрыми людьми.

Уникальным открытием для меня была книга «Вятская тетрадь» В. Н. Крупина. Сколько продолжений поговорки «Вятский — мужик хватский» привёл там Владимир Николаевич! В таких продолжениях, как, например, «На полу сидим и не падаем», столько здорового самоуничижения, сколько у других народов встретить невозможно. Вспоминаю, как был свидетелем одного подобного выражения. В полностью набитом людьми автобусе, следующем из Барашева в Теньгушево, близ Санаксарского монастыря, разговаривали два мужика:

— Эх ты, глупый мордвин, уж я-то глупый мордвин, а ты уж совсем, видать, глупый мордвин.

Только здоровый народ способен отпускать в свой адрес подобные шутки!

Не будучи вятским по рождению, долго не знал я о Великореецком крестном ходе, но слышал поговорку: «Никола уходит по холоду, а приходит по теплу». Так говорили в начале июня. В конце 80-х годов в наш город приехал священник отец Николай. С его приездом начала свою деятельность Православная церковь. В моём тогдашнем понимании именно он и стал организатором и главным участником крестного хода. Но что это такое, для чего, по какому случаю — я и ведать не ведал. Хотя к вере православной мало-помалу приходил. Евангелие купил в Киево-Печерской лавре ещё в 1989 году. Всё это — как бы прелюдия воцерковления.

Я всегда тянулся к писательской среде, как и к самому писательству. И вот в 1996 году на встрече с писателями журнала «Наш современник» познакомился с Крупиным.

Он тогда начал свою речь с христианского обращения «братья и сестры». И далее сказал: «У нас на вятской земле есть такое событие — Великореецкий крестный ход. Как только ход этот заканчивается, не успеешь расстаться со всеми друзьями, так уже начинаешь ждать, когда же следующий крестный ход».

Не могло не затронуть меня это выражение. Я осмелился написать ему какую-то записку, по окончании встречи подошёл к нему, мы поговорили. С тех пор и начал я собираться на крестный ход. К этому по какой-то необъяснимой причине захотелось стремиться.

* * *

В Серафимовской церкви, где собирались паломники, никого уже не было. Купил пирожков на дорогу, бутылку воды загрузил в тот же пакетик, сел в автобус и поехал догонять крестный ход. А когда пришёл на территорию Троицкого храма, у меня был шок. Все люди, как люди: с рюкзаками, сумками, иконами Николая-чудотворца на

груди. Будто в другой мир попал. И только я, «белая ворона», словно на прогулку вышел. Но не я один был такой. Помню Андрея. Он так сказал о случившемся: «Вышел я на балкон, увидел, как люди идут, сердце возрадовалось, я вышел из дома и тоже пошёл». Мы шли налегке, ночевали вместе в Бобино, в клубе.

Но идти налегке было всё-таки стыдно. Выглядишь, как прокажённый. Присмотрел одну девочку, Сашу из Слободского. Ей было лет 10–12. Рюкзак своими размерами едва ли не превосходил саму Сашу. Порой помогал ей нести рюкзак.

А на второй день встретил Зою — женщину лет семидесяти, которая шла с внучкой Олей. Зоя несла рюкзак и две сумки наперевес, рядом шестилетняя девочка, чей не большой рюкзак отбирал у неё силы, запас которых не безграничен.

Мало кто из участников крестного хода возлагает на других свои вещи. Каждый сам несёт свой крест. Но Зоя взяла на себя чрезмерно, а Оле и без рюкзака пройти весь путь было подвигом. Шли дальше вместе: Зоя меня прикармливала (продуктов они взяли много, а в сильную жару могло всё испортиться), пристраивала меня на ночлег в Монастырском и Великорецком. Я же нёс её рюкзак. А перед Гороховым, когда «сильно схватило спину» у одной из наших чепецких прихожанок, я взял на себя и её рюкзак. К Горохову подходил с чистой совестью и с двумя рюкзаками: одним — как положено, сзади, а другим — спереди. Так идти удобнее, ровно стоишь, ни в какую сторону не перевешиваешься.

Сделаю необходимое отступление. Когда я вернулся на работу и рассказал, что ходил на Великую, начальник посмотрел на меня заинтересованным взглядом: «И чё там было?» Не знал я, как ответить на такой вопрос. Какой-то он неуместный. Помню, как моя жена подобным образом спрашивала своего начальника, что тот чувствовал, когда стоял на вершине Эльбруса. Я, побывавший в горах, знал, что такой вопрос звучит нелепо. Главное — как идти, как дойти, а не как «гордо что-то ощущать на вершине». Так и на крестном ходу.

Нельзя же измерить, какого духовного здоровья набираешься, когда стоишь в луже и помогаешь женщинам перейти эту водную преграду по наспех сделанной из брёвен переправе. И каждая из них скажет тебе: «Спаси, Господи!». И от этих слов ты уже, будто в раю. Ответишь только: «Во славу Божью».

Когда шёл — всё-таки посматривал по сторонам: а где же Крупин? Нашёл внешне похожего на него мужчину. Его звали Геннадием. О чём-то с ним говорили, темы общие здесь быстро находятяся, ход сродняет людей.

Но Крупина встретил уже в Горохово. Беспokoить не стал, перекинулись парой слов и всё. Но отметил, что и другие общие знакомые у нас есть.

Чем ещё памятен мой первый крестный ход? На одном из переходов нечаянно сбились с пути. Ушли не в ту сторону. Долго стояли в лесу. А весна была поздняя, поэтому топи в лесу были непроходимы. Одно благо — комары ещё не проснулись. Крестоходцев было немногим более тысячи. Никто и не думал роптать. Нам пришлось вернуться назад, найти по карте дорогу, чтобы дальше идти по ней. Появлялись и больные: кому-то — с сердцем плохо, у кого-то — другие проблемы. А решал все проблемы о. Тихон. Всегда спокойный, с тихим голосом. Ему Сам Господь помогал. И духовно это было заметно. Без Божьей помощи крестный ход не пройти. Если необходимо — носилки сделают для тех, кто идти не может. И вещи нести помогут. Помогать каждый рад. К Монастырскому подходили с радостными возгласами «Слава Богу». Шёл первый час ночи.

Ну, а когда подходили к Великорецкому, пролил сильный ливень. Каждый промок до нитки, но идти надо. Мокрые джинсы стоят колом на ногах. Ноги истёр на все сто процентов. Каждый шаг порождал боль. Но — ноги болят, а душа светится.

Во второй год пошёл уже не один. С Михаилом Лаптевым. Первый мой рюкзак, в простонародье называемый «смерть туриста» был старенький, совсем не вместительный. Пришлось взять с собой сумку. Но по дороге ремень у сумки оборвался, а нести её в руках неудобно. Михаил быстро поправил мою беду. Достал из своей сумки шило, проволоку, сделал отверстие в ремне, прикрутил проволокой ремень к кольцу, после чего пассатижами откусил проволоку. И нет проблем. Пассатижи, шило, проволоку с той поры я ношу с собой. В память о Михаиле. На 2001 год он планировал распределить между нами общую поклажу, палатку взять планировали. Но Господь устроил иначе. Полагаю, душа Михаила с нами летает. Ушёл он под самое новое тысячелетие.

Хорошо запомнились обе ночёвки, проведённые с Михаилом в Великорецком. Первый раз нам хватило места в том самом доме, где у Крупина была арендована комната. Помню, какое яркое впечатление произвёл на нас рассказ Петра, выпускника-детдомовца о своей жизни. Последетдомовскими его годами оказались «лихие девяностые». Пытался Пётр устроить свою жизнь в одном из колхозов, но кроме беспробудного пьянства и отсутствия заработка ничего в той деревне не оказалось. Вышел Пётр из дома, перекрестился на все четыре стороны, помолился Николаю Угоднику и пошёл «смотреть, как люди живут». Обошёл он пешком всю Кировскую область с севера на юг. Ночевал в стогах, ходил по церквям. Денег у Петра никогда не было. Но встречались Петру добрые люди. Два священника купили для него дом в одном из районных центров. Пётр стал работать в церкви истопником, а так же звонарём. «Посылает меня батюшка в магазин, и говорит: «Сдачу не возвращай, себе чего-нибудь купи». Я так и сыт бывал, а, когда приходило время получать зарплату, батюшка спрашивал: «Сколько денег дать тебе, Пётр?». Я отвечаю: «Ну, давайте рублей десять», а батюшка смеётся: «Как же тебя научить деньги за работу брать?», а я понять не могу, зачем они мне нужны?

Этот рассказ молодого человека слушали мы с братьями-крестоходцами в полной тишине. Не понять нас, православных людей, «цивилизованной Европе»!!

Без Михаила пришлось мне самому пассатижи, шило и проволоку носить, а потом к ним и печка прибавилась. Приятно делать добро. На мою печку и другие крестоходцы могли свои кружки поставить. И опять слышишь: «Спаси, Господи!». И опять радостью истинной душа наполняется. Слава Богу! Есть силы — ношу печку. А Крупин шутит: «На следующий год холодильник бери». (Можно, конечно, было купить сумку-холодильник, но с крестным ходом это не совместимо. Роскошь. Перебор).

Видимо, не только печка моя приглянулась Владимиру Николаевичу. На каждом привале находились общие темы для разговоров. Сработал тот самый закон, который справедлив как в химии, так и в области человеческих отношений. Подобное растворяется в подобном. Вот и я растворился в разношёрстной гороховской компании. Той самой, что описана у Крупина в «Неделе в раю». Растворился с радостью и без остатка. Сроднил нас крестный ход...

Уже и неважно, какой это был год. Ночевали в Мурыгино. После сорока километров нелёгкого, но радостного пути нас встретили в цивилизованной трёхкомнатной квартире. Гостеприимные хозяева показали, где можно помыться, на кухне для нас готов был ужин. И Саша Блинов, безобидный мужчина, понял предложение помыться дословно. Он мылся в ванной около двадцати минут. Однако, не все рядом были такие же безропотные. Но пришлось всем терпеть, а я обратил случившееся в шутиливое стихотворение:

*В Мурыгино встретили крестный ход.
В сиянии белом нас ванная ждёт.
Сразу растаяло сердце у Саши.
В течение получаса братия наша
Пыталась извлечь Александра из ванной:
Ну, дай же отмыться и нам, окаянным.*

Смеялись все. Саша Блинов тоже рифмовать начал.

Ещё помнится, как на пути из Медян в Мурыгино встретилось нам стадо животных: коровы, козы, овцы. Коровы посмотрели на крестный ход, сказали своё «Му...у...у»; а козы с козлами вообще чуть не выматерились, презрительно бляя. И только овцы, увидев крестный ход, дружно встали под хоругви и иконы. Не было никакой возможности выпроводить их из крестного хода. Пришлось ходу останавливаться. Подумалось: овцы православным — родня!

И вот на выходе из Медянского бора сидит на привале вся наша гороховская бригада: Лёня, Володя, Антонина, Саша Блинов, Нина Аркадьевна. В эту компанию меня пригласил Владимир Николаевич. Он много прекрасных слов написал об этих людях. Но я же — поросёнок. «Знаешь, — ответил я ему, — меня Лёня ещё в прошлом году приглашал, но позвонила Татьяна, и я пошёл с ней». Поэтому ответил: «Как Бог даст». Этому правильному ответу меня научила Нина Аркадьевна, наша матушка-игуменья, как называл её уважительно Владимир Николаевич. Без Нины Аркадьевны и крестного хода не бывает, настолько гармонично она с ним слилась. Ныне, повзрослев до возраста и статуса дедушки и пенсионера, я говорю, отдавая себе отчёт: «Слава Богу! И нас не будет, а крестный ход — будет. А значит — будет жить и Россия».

Громкие слова? Но можно проще сказать, 91 км в одну сторону и 70 км обратно — с молитвами среди большого количества людей, становящихся родными. Конечно, лучше всех сказал об этом в своих стихах Анатолий Гребнев:

*Зачем иду я, просветлённый,
Среди большой толпы людской,
И за Крестом и за иконой —
С любовью, верой и тоской?
Зачем я вглядываюсь в лица,
Как будто в них хочу узнать
Родного брата, иль сестрицу,
Иль похороненную мать?
Зачем я слушаю молитвы
И подпевать стараюсь им,
И чувствую, что все мы слиты
Единым сердцем — вместе с Ним?
А ночью лес в цветущих кустах
На откуп отдан соловьям.*

*И голубой июня купол
Объял природы светлый храм.
И пусть заброшенный просёлок
Таит церковей немую сень.
Полуразрушенные сёла
И боль забытых деревень;
Смотри на Крест, шагай за другом,
Среди людей своих дыша —
Преображается округа
И возрождается душа.
И вечно будет жить Россия,
Когда с Крестом из года в год
Идёт, идёт в места святые
Великорецкий крестный ход.*

О смысле крестного хода задумывается каждый идущий. Анатолий фанатом веры никогда не был и не будет. Православие исключает фанатизм. Толя и молитвенником себя не считает, хотя только Бог знает, кто из нас какой молитвенник. Истинно — и округа преобразается, и душа возрождается во время крестного хода. Красно-

ты такой нигде больше не встретишь: встанешь на местечко повыше и любишься, как по великим русским просторам течёт бесконечная разноцветная людская река. И все — православные, и все — едины, именно едины с Ним, с Богом, со Христом. Слиты. Единным сердцем. И ликует душа. А дышитесь среди своих людей действительно по-особому, чувствуешь себя, как рыба в воде.

Крупин говорит: «Мужики, я проехал всю землю; нет нигде настоящей жизни кроме России». Во время крестного хода чувствуется особенно, что все мы братья и сестры. А это и есть русская жизнь! Даже люди невоцерковлённые соглашаются: это наше, русское, родное. Леонид, в прошлом мой коллега, с которым меня связывали и горы, сторонился разговоров о православии. Но погрузившись в эту стихию, он уже не может без неё, как не может пресноводная рыба жить в солёной воде. Здесь даже кустик на дороге — свой! Чудеса, как говорит Крупин, совершаются во время крестного хода. Приходишь домой, ноги болят. Рюкзак снимешь с плеч, а всё равно ощущаешь его за плечами. Тело устало, а душа поёт. Она готова к любым испытаниям. И, буквально, через день она ободряет всё тело.

В какой год — не помню, но помню место — в пути от Рублёнок до Загарья и сам я написал стихотворение. Поэты, не судите строго! Здесь тоже ответ — зачем я хожу на реку Великую.

*Люди идут куда-то,
Словно река течёт,
Будто они — солдаты,
Будто война идёт.
Вместо ружья — молитва,
Хоругви несут впереди.
Это — с грехами битва,
Битва на всём пути.
Двадцать часов в сутки
Люди идут вперёд.
В редкие промежутки
Кто-то из них отдохнёт.
Где-то акафист читают,
Где-то молитвы поют.
Духом Святым питают
Сердца свои люди тут.*

*Что же за сила такая
Их заставляет идти? —
Духа Святаго стяжают
Люди на крестном пути...
Чудо явилось великое
В Вятской глухой стороне:
Образ Николы святителя
В лесу обретён, на горе...
Люди идут, стараются
Долгие вёрсты пути.
Вера в сердцах утверждается:
С нами Христос — впереди!
С Ним этот путь по силам.
Он укрепляет народ.
И будет стоять Россия
Многая лета вперёд!*

Батюшка отец Геннадий (Кочуров) (в монашестве — о. Матфей) начинал водить крестный ход с 90-х годов. Он ещё сильнее сказал: «Когда крестный ход идёт — силы адовы содрогаются».

* * *

Пришло время рассказать о Гороховском чуде, той самой неделе в раю, как справедливо назвал её Владимир Николаевич Крупин.

Горохово — из числа «неперспективных поселений», сознательно уничтоженных перед началом перестройки. На момент официального разрешения Великоорецкого крестного хода властями, там оставался лишь полуразрушенный храм, на куполе которого росли берёзы, и святой источник, ожидавший возвращения людей. Действующим оставалось только кладбище, на котором хоронили жителей оставшихся

в округе деревень. Тут уместно привести евангельские строки, описывающие конец света: «Мерзость и запустение в святых местах».

У отца Геннадия Кочурова, предстоятеля Великоорецкого крестного хода в те времена и появилась мысль о том, что пора остановить запустение. Крестоходцы откликнулись: вынесли удобрения, брошенные некогда в приспособленном для их хранения храме и навсегда забытые людьми, а Владимир Николаевич взял благословение приезжать со своими близкими по духу крестоходцами на день раньше крестного хода, чтобы к его появлению в Горохово по возможности обустроить источник, начать наводить порядок в храме. Так и сформировалась наша гороховская бригада. Позднее получил благословение на восстановление храма послушник Андрей, широко известный в узких кругах, как Андрей Гороховский.

В это необитаемое Горохово, словно в духовный санаторий, я и отправился в самый, пожалуй, сложный мой год. Как обычно, перед крестным ходом наваливается множество проблем. На работе — как всегда «перегруз». Дома, в семье — тоже неординарно. Родилась внучка, и перед крестным ходом моя дочь лежала с ней в больнице. Ухаживать от больного ребёнка неправильно, хоть и молиться иду. Но вот выяснилось, что диагноз у внучки не страшный, их из больницы выписали долечиваться домой, моя помощь уже не нужна — только мешаться буду. У меня вечер на сборы.

Проснувшись в четыре утра, к девяти я добрался до Монастырского, пополнил свой и без того тяжёлый рюкзак, и — пешком пятнадцать километров до Горохова. К вечеру аккумулятор моей души зарядился полностью. Почему? Каким образом? Обыкновенное чудо. Чудо Гороховское.

Говорят, что всё гениальное просто. А чудо — оно ещё проще. Тот, кто бывал в этих прекрасных местах, знает, куда сразу следует идти. На святой источник Казанской иконы Божьей Матери. На источнике — никого. Можно приникнуть к святой воде, искупаться в купели. Потом — в одинокий домик. А там уже ждут. И сразу вскипает

радость! Слышу возглас Лёны: «Володя-супермаркет!» (пристали ко мне эти слова, наша компания считала, что у меня всё есть, если с собой ношу пассатижи). Владимир Николаевич Крупин сразу наложил мне штрафную тарелку каши.

Накормили — и за работу. В гороховской бригаде бездельничать не принято: Лёня, Саша Чирков под диктаторством Андрея поднимали доски на «верх храма», а мне с Сашей Блиновым, Володей Крупиным и Толей Гребневым досталось послушание носить воду из источника к храму в котлы. В тот год первый раз в Горохове варили кашу и готовили кипятилок.

Толя Гребнев тут же выдал экспромт:

*Под диктаторством Андрея
Всё бодрее и мудрее
Воду на горунося
Чуть я не обкакался,*

А Крупин, жалея меня, скажет: «Володь, да носи ты по полведра, а то выдохнешься», на что я отвечал: «Знаешь, Володя, я — лентяй, мне лень ноги дважды переставлять, легче за раз принести». И тут же в ответ Крупин выдаёт три анекдота про лентяев. И всё — по ходу дела.

Да, физически работали так, как вряд ли когда в другой обстановке. Но какова сторона эмоциональная! Радость общения с людьми, по которым не просто соскучился, а духовно изголодался.

И вот настало время подъёма на купол гороховского храма временного креста. Крест поднимали с молитвами. Какая благодать! Вспоминая об этом, жалею только, что нет фотографий. А ведь кто-то снимал. Крест подносили мы с Володей, затем фотографировались с крестом, а кто фотографировал — не помню.

Крепил же крест на куполе — на семи ветрах — православный альпинист Борис Борисов, нанятый отцом Андреем. Андрей же, получивший благословение митрополита на восстановление храма, оказался и по характеру бригадир — «бугор».

Состав гороховской бригады год от года меняется, а дух остаётся. Подобное растворяется в подобном. И это подобное начинает расти. И ощущая это можно созерцать:

О, как же дивно, как же тонко

Горит в Горохове вагонка,

подбрасывая в костёр ненужные для строительства обрезки.

А ночи перед засыпанием! Говорит о чём-то Крупин и все его жадно слушают. Но вот Володя замолчал, заговорил Саша и оказывается, в его словах мудрости не меньше. Борис тоже на высоте. И меня почему-то слушают. Потому что все на одной волне, на одном языке. Разве могут близкие люди в чём-то не понять друг друга?

Что бы ни делали мы в Горохово: кашу варили, воду носили, источник или купели облагораживали — душа жила, радовалась и всё более и более наполнялась какими-то необычными силами...

* * *

Разумеется, когда и нас не будет, крестный ход пойдёт теми же путями. Что-то, конечно, меняется в людях. Нет Маргаритушки, о которой здорово написал Крупин. Таких молитвенниц сыскать было не просто во все времена. А на Вятке она была и в наше время! Люди продолжают молиться. Но наблюдается упрощение, облегчение. Дороги

благоустраивают. Медянский бор не узнать: нет непроходимых луж, всё песком посыпано. А по мне, по лужам идти — благодати больше. Но видно, что с омоложением крестного хода дух его не прекращается. Не превращается ход в турпоход. Молитвы слышны, слава Богу! Сойти Крёстному ходу на нет, Господь не попустит.

Молитвы о родных и близких естественны. Но бывает, когда кто-либо просит помолиться во время крестного хода о нём. Молитва крестоходская — особенную силу имеет. Помню Крупин проводил нас до Макарья, а дальше не пошёл. Но на следующий день звонит: «Братья, помолитесь за меня, я сегодня в Госдуме выступать буду». И возносились наши молитвы о нём и о его слушателях. Мне не ведомо, достигли ли они Престола Божьего, но ведомо, что Владимир Николаевич перезвонил и сказал: «Слава Богу, всё хорошо прошло». И ещё помнятся его слова: «Мужики, как здорово, что у нас есть Православие. Встаёшь на молитву, начинаешь поминать Анатолия, Анатолия, Александра, Александра, Леонида, Бориса, Владимира..., и ни за что не собьёшься, знаешь, что кто-то из вас и меня поминает». Вот оно, братство!

Когда-то я попросил у Господа: «Ничего мне больше не надо в этой жизни, лишь бы 33 раза сходить на Великую». И остаюсь при том же мнении. Всё остальное необходимое приложится. Вспоминаю, как и Крупин когда-то отказался ехать в Китай в составе правительственной делегации. «Китай сам к нам придёт, крестный ход — важнее». Ходишь на Великую — душа живёт, радуется истинной радостью.

Вначале я считал, что именно здесь собирается цвет русской нации. Не отрицаю этого и сейчас. Кто с нами ходит? Известный писатель Владимир Крупин, русский поэт, психиатр Анатолий Гребнев, преподаватель философии Наталья Злыгостева, кинорежиссёр Марина Дахмацкая, поэты Николай Пересторонин, Алексей Смоленцев? А простые наши мужики: плотник Лёня Ермолин, мастер по лифтам Саша Блинов, монтажник, сварщик Саша Чирков чем хуже? Здесь всё проще. У многих, кто прикасается к этому чуду — зацветает душа. Вот и получается цвет нации. Все здесь — простые люди, все — свои. И дышать среди своих людей — радость великая. Истинно великое на Великой.

* * *

Крёстный ход проявляет и характер человека. В каком году — уже не помню, стояли мы всю ночь в очереди за святой водой в Великорецком. Выстоять ночь в очереди, после того, как преодолен такой путь — непросто, поэтому мы менялись. И вот, после одной из наших смен, женщины, которые стояли рядом, не признали, что Саша Блинов здесь стоял. Его начали ругать. А, приняв его за священника, о чём свидетельствовала его борода, усилили многократно свою брань: «А ещё батюшка». А Саша в ответ: «Да какой я батюшка, правильно говорите, и не стоял я здесь, верно, стоять должен был, как пришёл, не уставая, и не ходил я, верно, говорила мне мама, что с малолетства ходить надо на Великую, а я не ходил, какой я батюшка, что вы, женщины, я просто бороду отрастил, людей честных в заблуждение ввожу». Гомон утих, некоторые заулыбались. С тех пор Сашу знают все, поскольку только он по-христиански трижды целуется с каждым. В Горохово Саша — главный украшитель Храма. Перед приходом туда крестного хода, он непременно нарвёт сирени, украсит ею храм и святой источник, как может это делать только он. Встречает крестный ход по-праздничному, в костюме.

Как правило, у Андрея Гороховского, который от Вятской епархии является ответственным за встречу в этом святом месте, перед приходом крестного хода наступает пик деятельности. Ему одновременно надо переделать тысячу дел. «Мужики, где у нас

мужики», — активно призывает Андрей. И тут он видит Сашу в костюмчике, с сиренью в руках и с благодатной улыбкой на устах. Саша уже приступил к последнему штриху в украшении храма, его уже не заставишь суетиться, бегать и делать то, что кажется Андрею необходимым. А мы с некоторых пор Сашу Блинова стали называть благодатным...

Ромка учился в школе вместе с Сашиним сыном. Дожив почти до тридцати лет, Ромка собрался на Великую. И, разумеется, не мог не вспомнить, что туда непременно ходит отец его одноклассника. Вскоре Блинов представил Ромку нашей компании. Оказавшись в Горохово Ромка будто попал на другую планету. Удивляло его всё. И степенная Нина Аркадьевна, с которой не забалуешь, и вся наша компания лесная, непонятная с первого взгляда. Сашу Чиркова, например, он, принял за русского купца.

Простотой своей Ромка оказался нам близок. Простота, пожалуй, та черта, которая свойственна каждому из нас. Недаром Владимир Николаевич Крупин вспоминает шуточное двестишье, адресованное ему Станиславом Куняевым:

*По бороде ты — Лев Толстой,
А по уму — мужик простой.*

Но жизнь показала, что каждый из нас имеет свою особишку. Другими словами, не так уж ты и прост, русский человек! Вот и Ромка. Он безотказно помогал во всём, даже кашу возле костра раздавал без устали — народу-то уйма!

Но вот на ночлегах Ромка оказался не на высоте: мы всегда старались уступить лучшие места старшим, особенно, если с нами шёл Крупин. А вот Ромка поначалу выбрал себе место не на полу, а на кровати. Для нас это показалось странным, но промолчали. У нас же не армейская дедовщина.

А в один из последующих походов получился конфликт у меня с Ромкой: на привале он попросил меня, и не в очень тактичной форме, сходить за чаем. Идти-то было несколько шагов, но я решил, что вопрос принципиальный, что он помоложе — сам дойдёт. К нашему общему стыду за чаем сходила Ольга Бакина. Помню, вся бригада встала в этом, пожалуй, единственном в нашей компании инциденте, на мою сторону, а новый вождь, «царь Борис», прислал мне на телефон SMS: «Раба Божьего Романа перевести в оглашённые сроком на один год с неукоснительным исполнением хозяйственных обязанностей, а перед этим привести к покаянию, а коли нарушит сие повеление, гнать его в шею от земли гороховской». Суrow у нас вождь, не забалуешь. Но за Рому вступился Саша Чирков. Сам Роман переживал случившееся — значит, понял. Понял и я, что он просто устаёт. А к усталому человеку следует быть снисходительным. Давно исчерпан тот конфликт. Мы снова вместе, причём не только в крестном ходу. С огромной радостью ездим вместе работать в Верходворье того же Юрьянского района, к Владимиру Крупину II, который является там церковным старостой. Ездим на Ромкиной машине и в Кильмезь, на Крупинские чтения. Его бывшая одноклассница, Катя удивляется: «Что вы с Ромкой сделали? Он отнюдь не отличался примерным поведением, а сейчас даже посты соблюдает». Но не в постах дело, пост — это один из методов достижения цели, хотя, и не последний. Главное — войти в православную культуру, обосноваться в ней. Способность к этому у Романа появляется и проявляется всё чаще. Без вопросов поехали мы с ним в Ижевск встречать Анатолия Гребнева вместо того, чтобы отдохнуть в Кильмези, пообедать, посидеть на мероприятиях Крупинских чтений, а ведь за рулём не я был, а Ромка, и гнать ему пришлось дополнительные 380 километров. Да и в Верходворье ехать, чтобы поработать там — конкуренция: в машину не входят все желающие. Разве это — не чудо, когда бывший отпетый двоечник вдруг превращается в Романа

Сергеевича, которого узнают, принимают и на Крупинских чтениях, и во время крестного хода как своего.

Да Ромка — один из нас. Все мы равны! Деревянных дел мастер Лёня Ермолин, пожалуй — самый добрейшей из нас человек. Сколько у него талантов конструктора! Высшее образование у него внутри сидит. Образованней человека я не знаю. По его словам, путь в нашу артель он топором прорубал. Он — топором, я — печкой приглянулся, Саша Блинов — своей улыбкой, своей христианской сущностью. Саша Чирков, которого на работе прозвали «мякиш», потому что из-за мягкого характера не могли доверить бригадирство, несмотря на все его положительные стороны, в нашей компании — отнюдь не мякиш. За стол без молитвы не сядет, и нам не даст, поэтому мы привыкли к Сашиной молитве. Он для нас — старший. Нет, не по возрасту, просто старший, просто таким признали. Борис Борисов, тот самый православный альпинист, воздвигающий кресты на храмах — вождь признанный, но человек занятой, к нему особое уважение. Такие люди — на вес золота. Сергей Черепанов, который пришёл в нашу группу через Сашу Чиркова — из тех молодых людей, которых не надо воспитывать, как Ромку. Он, придя к нам, сразу стал своим. Идти с ним в крестном ходу — так естественно, как дышать. На каждом переходе читаем и поём мы с ним акафист святителю Николаю, читаем молитвы. И чувствуем ту необычайную радость, тот необычайный свет, что молитва приносит в наши души, согревая божественным теплом.

За пределами крестного хода не так уж часто мы встречаемся, но каждая наша встреча — праздник незабываемый. Или в Верходворье съездим, или в областной библиотеке встретимся на чьём-нибудь творческом или юбилейном вечере. Праздник — это когда оживает душа и радуется встрече.

Что мы знаем о жизни друг друга? Да, почти ничего. Лёня, Саша Чирков — одинокие люди. Истории у каждого свои, но следует ли лезть в души, бороздить, царапать железом по стеклу. Сергей Черепанов — истинная опора своей семьи. И ему судьба приносит нелёгкие испытания. Роман вот стал отцом семейства. Женился, родился у них с супругой сын Степан. Семьянин он хороший. Если жена попросила его вернуться из-за неотложных дел раньше, мы с ним раньше и уехали из Кильмези, потому что ребёнок должен быть на первом месте. О себе скажу так. Мне святитель Николай в жизни так помог, что об одной только милости сейчас прошу Господа: успеть 33 раза сходить на Великуюю.

И надо ли копаться в жизни друг друга? Поддержать друг друга — да, а остальное — по-необходимости. Главное — вера и её плоды. Главное — отношения, при которых знаешь, что не останешься без помощи ближнего, да и сам готов помочь.

* * *

Сил у человека должно быть столько, чтобы в любой момент ты смог придти на помощь нуждающемуся. Я прекрасно помню ту радость, которую испытывал, помогая людям во славу Божию. Но с годами мы не молодеем, и вот уже мне помогают перейти лужи по брёвнышку и я говорю: «Спаси, Господи». Слава Богу! Идут на крестный ход молодые и более сильные! Есть кому передать эстафету великого дела спасения душ. Уважение к старшему и готовность помочь нуждающемуся здесь не воспитывается, а пишется на скрижалях сердца...

Вот уже второй год по разным житейским обстоятельствам не могут пойти со всеми наши завсегдатаи: Борис Борисов, Александр Чирков, Леонид Ермолин. В очередной раз мы пошли в крестный ход вдвоём с Сергеем. Ему сорок лет, столько же, сколько было и мне, когда я пошёл впервые. Сергей человек очень надёжный. Когда-то

я передал ему свой старый столитровый рюкзак, вместе с ним он перенял от меня привычку набивать этот рюкзак полностью. Сергей превосходил меня и по темпу хода, а если я от него отставал, то он всегда шёл с оглядкой. Своих не бросают!

Года три-четыре назад я сетовал на некоторое послабление: нет непроходимых луж, через которые надо укладывать брёвна и ветки. Песком засыпаны дороги через Медянский бор, да и вовсе крестный ход сменил маршрут, обходя этот сложный участок. Но знаю же: больше испытаний — больше благодати. Но вот на этот раз Господь услышал мои молитвы. На протяжении всего крестного хода дождь стоял стеной, через которую мы шли. И лужи возникали под ногами. При этом муза принесла мне ещё четыре строчки:

*Мы не молим об удаче,
Мы «на первой передаче»
Месим грязь, тела несём,
Глядь, — и души так спасём.*

Конечно, для кого-то испытаний оказалось чрез меру, но возгласов «Врача!», было, пожалуй, не больше, чем в прочие, более лёгкие годы.

С возрастом не молодею, искушение выйти из крестного хода по приходу в Велikorецкое бывает каждый раз. В этот раз подумал: «Если Сергей по какой-либо причине захочет выйти из крестного хода, я выйду с ним, но сам его провоцировать не буду». Перед выходом из Велikorецкого, когда уехал уже весь транспорт, узнал, что и Сергея посещали такие же мысли. Обменявшись своими помыслами, мы пожали друг другу руки, и порадовались, что не стали соблазнять друг друга, не смалодушничали. И снова льёт дождь. Уже и основная, и резервная обувь промокли. Но это не замечается. В очередной раз прохожу мимо пруда, слушаю дружное кваканье его жителей и отмечаю:

*Лягушки читают акафист в пруду,
А я просветлённый иду и иду.
Моли о нас Бога, святой Николай,
И радость в сердца подавай, подавай.*

Природа славит Творца, только не всякий раз открываются наши духовные очи, чтобы увидеть это. На то и крестный ход! Изнывают от боли ноги, рюкзак становится твоим продолжением, его чувствуешь на себе даже тогда, когда уже снял с плеч. А душа — чистая, светится от радости. И на лицах окружающих видишь улыбки. Не американские, наклеенные, неестественные, а здоровые, русские, естественные, искренние. Здесь всё настоящее!

С разными людьми встречаюсь, но все они — родные. Вот Дмитрий. Он ходит больше меня. Рассказал, как пошёл впервые. Увидел людей с рюкзаками, подумал, что люди на фестиваль бардовской песни «Гринландия» в Башарово собираются. А ему отвечают: «Да ты что, крестный ход собирается на Великую!». Дмитрий купил две бутылки «Зубровки», блок сигарет и тоже отправился на Великую. У Серафимовского храма, откуда тогда выходил крестный ход, его встретил родственник, работавший там сторожем: «Да ты в своём уме? Церковь запрещает спиртное на протяжении всего крестного хода». А потом тот же родственник сказал ему: «Ладно, если уж принёс, распечатывай одну бутылку». Отхлебнули они по чуть-чуть, а потом родственник посоветовал Дмитрию подойти к владыке Хрисанфу за благословением.

«Как я подойду к нему с запахом-то»? — «Иди». Владыка не мог не заметить свежего алкогольного душка, исходящего из утробы Дмитрия. Но Господь дал Дмитрию разум для того, чтобы ответить на строгий вопрос владыки: «Так я для того и пошёл, чтобы бросить это дело». Пять лет не пил Дмитрий после первого своего крестного хода. Ходит и сейчас. Если и принимает спиртное, то для усугубления радости да для дезинфекции организма. Лечит наши души Господь в крестном ходу. Радостью лечит. И радостью этой хочется делиться со всеми.

Из тех тридцати трёх лет, которые я просил у Господа, мне осталось сходить только двенадцать. Малодушие порой подсказывает, что и пройденного достаточно. Но пока Бог даёт силы — надо ходить. В ходу крестном силы преумножаются, а смалодушничаете, расслабились — тут-то тебя и настигнут хвори. Нельзя поддаваться на соблазны врага рода человеческого!

У каждого крестоходца, наверняка есть свои причины ходить на Великую. Мне в своё время святитель Николай очень сильно помог в жизни. Каждый раз благодарю его за помощь, а так же каждый раз и новые просьбы за других людей появляются. Укрепляется и вера. Только было потерялись с Сергеем в пути, обращаюсь к святителю Николаю с просьбой: «Укрепи мою веру! Если поможешь нам с Сергеем встретиться на ближайшем привале, — почувствую, что и у меня вера есть». Не прошло и двух минут после той моей молитвы, как встретились мы с Сергеем. Вот так, и вера укрепляется, и благодать приходит, и радость с нею, и силы духовные и телесные. Так разве могу я отказаться от этого праздника души? Помогите, Господи, укрепи немощь души моей и сподоби меня ещё хотя бы двенадцать раз сходить на Великую!

